

ВСТРЕЧИ

Пианино для сына полка

«Дорогой Геннадий Николаевич, здравствуйте! Докладываем, что все мы живы и здоровы. Учимся, помогаем совхозу в полевых работах. С огромной радостью узнали о долгожданном: сегодня в «Пионерской правде» опубликован приказ о зачислении вас в Полк сынов полка. Приказ подписан космонавтом В. А. Шаталовым. Сердечно поздравляем вас...»

(Из письма красных следопытов киселевской школы).

«...Дорогами войны шли к Победе и юные сыны полков. Приказываю: зачислить в Полк сынов полка»

Мусихина Геннадия — связанного мотоциклиста, гвардии сержанта».

(Из приказа).

МАЛЬЧИШКИ обожают армию. Любимая игра детворы во все времена — игра в войну.

У ребячьей игры есть одно неоспоримое преимущество перед войной настоящей: она бескровна. Абстрактная пальба из деревянных ружей, какой бы отчаянной она ни была, не наносит урона «враждующим армиям».

Взрослея, мальчишки обретают иные увлечения. Но следом поднимается новая волна ребятиш, и по-прежнему на пыльных деревенских улицах, в тесных городских дворах слышны бесконечные «бах-бах!» и «тра-та-та!». Это понятно и объяснимо. Детской душой всегда будут владеть жажда подвига, страсть к приключениям. Случайный синяк, добытый в горячке рукопашной схватки, не остудит воинственного пыла подростка.

Вот и сейчас, когда пишу я эти строки, за моим окном развернулось нешуточное сражение. Во главе «армии», штурмующей подъезд соседнего дома, размахивает пластмассовой сабелькой шести-классник Вовка. Я наблюдаю за ним, таким самоотверженно мужественным в извечной забаве детей, и думаю о другом мальчишке, из другого времени.

Генка Мусихин в сорок первом как раз перешел в шестой класс. Был он невелик ростом, так что при своих двенадцати с половиной таянул на десять.

Когда грянула Великая Отечественная, отец добровольцем ушел на фронт. Генка, повздорив с матею, на третье или четвертое утро подался следом — догонять батю. Направление знал твердо: из глубинного поселка Вахруши, что в Кировской области, надо держаться на запад, туда, где рвутся бомбы и полыхают пожары.

Отца не догнал. Снятый с поезда милиционером, угодил в детприемник, оттуда — в детдом на Урале. Учился в школе и вытаскивал на станке корпуса для снарядов. Получал хлебную пайку, положенную взрослому рабочему: восемьсот граммов. И работал, как взрослый. А сам себе на уме, с тайной думкой...

— Я тебя, малый, насквозь вижу, — ошарашил его однажды старый мастер. — Мечтать про фронт запретить не могу, а бегать не смей. Без наших изделий фронт задохнется.

Старик, безусловно, был прав, но Мусихин снова бежал — во второй, в третий... И опять его ловили, опять загоразживали дорогу на поле боя. В минуты глухого отчаяния думал об отце, вспоминал дядьку по матери — танкиста Рязанцева, вернувшегося из сражений на Халхин-Голе с орденом Ленина и высшей монгольской наградой на груди.

Повезло за год до Победы, в мае сорок четвертого. Приблизь к воинскому эпелону, полюбился солдатам за сметку и веселый норов, за отменный аппетит. Так в теплушке и докатил до нужной станции, поблизости от которой явственно слышалась артиллерийская пальба.

— Что там? — спросил Генка.

— Передовая, — вздохнул пожилой старшина и положил тяжелую руку на его стриженную под ноль голову. — Тебе бы в школу бежать, сынок, а ты в самое пекло...

Уже в Германии пятнадцатилетний рядовой Геннадий Мусихин с чрезвычайно важным донесением прорвался на мотоцикле сквозь боевые порядки гитлеровцев. Был обстрелян и ранен, но выполнил приказ и обеспечил доставку боеприпасов в свою попавшую в окружение артиллерийскую часть. Вполне

заслуженно получил медаль «За боевые заслуги» и лычки младшего сержанта.

ВОИНА оставила поколениям незабываемые образы подростков той лихой поры. Мастер, едва видный за станком, да и виден потому, что стоит на ящике... Сыны полков... Бесстрашные партизанские разведчики в пионерском возрасте... Персонажи документальной и художественной литературы, в жизни они были подлинными героями своего времени. Спрос с них, с мальчишек и девчонок, не имевших права на паспорт, но получавших боевые и трудовые награды, шел по взрослому счету.

По нынешним временам эта мера строгости может показаться завышенной; в те дни она, продиктованная необходимостью, и не могла быть иной. Но вот что замечательно: доверяя юным часть своих не легких забот, государство и тогда пеклось об их будущем. Требовалось не просто одеть-обуть и накормить миллионы солдатских детей, сотни тысяч сирот. Требовалось дать им образование, научить делу, полезному в жизни. А прежде всего — уберечь в огне войны.

На одной из переправ юного мотоциклиста окликнул военный с большими звездами на погонах. Иван Степанович Конев.

— Ты что здесь делаешь, младший сержант?

Мусихин вытянулся, руку — броском — к пилотке:

— Воюю, товарищ маршал!

— Молодец! — одобрил командующий фронтом и повернулся к штабному офицеру: — Немедля отрядить в суворовское училище.

Он не попал в суворовское: обманув сопровождающего, вернулся в родную часть, где и встретил долгожданную Победу.

Через полгода сержанта Мусихина провожали в запас. «Война — эпизод в твоей биографии, — объяснили ему, — пробей час — снова призовем служить». Он настоял, чтобы призвали немедленно, попросился во флот. И ветеран среди салажат, которые по возрасту были старше его, — еще шесть лет носил тельняшку.

ВETERАНЫ войны — сыновья полков... Иногда они собираются на свои традиционные встречи. Павел Гречихин из Белгорода, Иван Малеев из Керчи, Алексей Воднев из поселка Золотухино Курской области, москвич Александр Кочетов, житель Днепропетровска Макс Привьер, Яковлев из Воронежа, Кузубов, Толмачев... Боевавших на разных фронтах, в различных родах войск, их объединяет «...память о тех недетских испытаниях, которые в лихую годину нам, детям, пришлось пережить». Так сказал на последней встрече в Курске Михаил Тихонович Толмачев.

Есть в этих встречах один очень важный для Мусихина момент. Тот самый, когда, взбудораженные долгожданным свиданием, приустав от рассказов и расспросов, сверстники-одногодки приступают к нему с просьбой, равносильной приказу:

— Пой, Геннадий!

И он поет, потому что песня — его профессия, его судьба. Поет «Валладу о знамени» и «День Победы», «Валладу о Федоре Полетаеве» и «Мою Родину», «Бухенвальдский набат» и «Где же вы теперь, друзья-однополчане?..» Поет и видит, как закипают слезы на глазах у ребят, и чувствует, как влажнеют его глаза.

Минутная слабость, которой не дано унизить мужчину.

— Спасибо, Гена! — жмут ему руку товарищи. — Спасибо, дорогой, за то, что ты есть.

А потом, когда успокоятся все, отойдут от боли, причиненной песнями войны, Геннадий запевает другие — тоже из своего репертуара: «Вдоль по Питерской...», «Гори, гори, моя звезда», «Дорогой длиною...» И ребята дружно подтягивают и ощутимо хлопают по плечу: экий чертушка, и силой господь не обидел, и талантом не обделал.

Тут, наверное, самое время сделать небольшое отступление. Суть вот в чем. Отслужив во флоте, Мусихин снова встал за станок: приобрелась специальность, приобретенная до армии. Как-то, заглянув случайно на репетицию самодельного хора, дерзнул поправить незадач-

ливого солиста: «Разве так поют? Надо вот как...» И грянул во всю мощь своих — вырос, окреп во флоте, мастером спорта стал! — богатырских легких:

Дывлюсь я на небо...

«Тебя-то нам и не доста-ет!» — выскочила из-за кулис, ухватила парня за рукав обрадованная руководительница. И вскоре Геннадий в приказном порядке заставили выступать на городском смотре самодельных коллективов, где он, к собственному удивлению, занял призовое место. Позже, на комсомольской стройке в Норильске, его услышал Максим Дормидонтович Михайлов. И благословил на учебу в Москву... На исходе третьего десятка лет Мусихин стал солистом Рязанской филармонии. Поздно? Наверное, поздно, в искусстве принято начинать раньше. Но ведь и другого со счетов не сбросишь: путь на сцену у Геннадия Николаевича лежал через лишения, войну, стройки века...

ЖИВУТ Мусихины тесно. Правда, четвертый жилец — веселый щегол в клетке на солнечной стороне квартиры.

— Стою в очереди, — мимоходом сообщил мне Геннадий Николаевич.

Потом Мусихин показывал мне боевые свои награды, письма от юных следопытов, полные великого мальчишеского любопытства. Писем было много.

— Обижаются, когда говорю, что никаких подвигов не совершал, — улынулся Мусихин. — Не верят. Не укладывается в их сознании, что можно быть на войне и при этом не совершить подвига.

— Геннадий Николаевич, — спрашиваю, — а самый памятный концерт в жизни — где, когда он был?

— Самый памятный в киселевской школе, — ответил, не задумываясь. — Это Старожилковский район. То же следопыты пригласили. Великолепные ребята! А совхоз накануне концерта купил пианино. Специально для меня, для сына полка. Чтобы я мог петь... Добрались туда по лютому морозу, аккомпаниатор пальцы застудил: не стану, говорит, играть. А усыпал про попку — руки под мышку сунул, отогревать. Это же, говорит, заслужить надо — такую честь. Я тоже... был потрясен, как никогда. И пел, как никогда. Зал — битком: мальчишки, девчонки, родители их. Для таких слушателей... Пел и думал: лишь бы не повторилось все то, что нам выпало...

Знаю, что только за летние месяцы этого года Геннадий Николаевич намотал на колеса старенькой машины шесть тысяч километров. Все в поездках по районам, с песнями, которые не дают забыть о войне, но в которых главное — страстный призыв к миру.

В МУЗЕЕ города Кирова соседствуют два стенда. Первый посвящен Герою Советского Союза танкисту Рязанцеву Александру Ивановичу. Второй — Геннадию Мусихину, единственному сыну полка на всю немаленькую Кировскую область.

Дядька погиб на подступах к Кенигсбергу, неподалеку от тех мест, где пролегли фронтовые пути племянника.

Всю войну Геннадий мечтал о встрече с отцом, а встретились годы и годы спустя. Судьба у Николая Ефимовича сложилась трудно, все в ней; и кошмар фронтового плена, и ратная служба в партизанском отряде.

— Во все времена дети бежали на войну, — сказал я Мусихину в последнюю нашу встречу.

— Дети на войне — неестественно, как неестественна и сама война, — ответил он. И, помолчав, добавил: — А ребят надо учить мужеству. Настоящему, всамделишному. Когда иду к школьникам, так и строю программу: эпизод из фронтовых будней и — песня. Эпизод и — песня! Слушают, и глазенки горят.

...Ребят надо учить мужеству. Сейчас, когда я пишу эти строки, в осенней траве за окном, забытая Возкой, тускло поблескивает пластмассовая сабелька. Невзрачная, никчемная. Сам Вовка, устав воевать и командовать, сидит на скамье, с головой воткнулся в книгу. Интересно, о чем она?

Валентин САФОНОВ.
КИРОВ — РЯЗАНЬ.